

Павлика-Карлика из нашего класса знает вся школа. Еще бы! Он — круглый отличник и его фамилия красуется на доске лучших учеников школы. Когда листаешь дневник Павлика-Карлика, просто оторопь берет: на каждой странице одни «пятерки», будто для других оценок и места нет. Даже в глазах рябит с непривычки! Невольно думаешь: и откуда у него столько знаний по всем предметам? Посмотришь со стороны — не скажешь, что он отличник: тщедушный, бледный, маленький, с большими, точно у слоненка, ушами. Руки тонкие, слабые. Бицепсы — что мой шнурок на ботинке! Он даже девчонок наших побаивается. По-моему, Катя-Катюша запросто повалит его одной рукой. Давно к нему прилепилось прозвище — «карлик». За его рост и худобу. А он даже не обижается!

Но зато слава у него большая! Не нарадуются на Пашу учителя, пионервожатые, директор школы. Почти на каждом собрании его ставят в пример. Директор наш так и говорит: Паша — слава класса, цвет всей школы! Если быть откровенным, мы все чуточку завидуем Павлику-Карлику. Ну, просто удивляемся: золотая голова у парня!

Во-вторых, Паша у нас — известный общественник. Не гляди, что «карлик», — и минуты не усидит на месте! Целыми днями крутится, как белка в колесе. То — на собрании дружины, то — на заседании редколлегии стенной газеты, то двоечников громит по школьному радиоузлу. Внешне неприметный Павлик-Карлик — наблюдателен, острый, даже едкий. Рисует такие карикатуры! Подчас вся школа заходится от смеха.

Как не столкнешься с Пашей в коридоре, все куда-то торопится, вечно спешит. И такой — важный, серьезный, озабоченный! Роняет на ходу: «Некогда, некогда... Тороплюсь, извини. Дела! Велят...» Будто кроме этих слов он других и не знает.

— И как так можно жить? — удивляется Симуш.— Кто велит? Директор? Учитель? Он, наверное, и задачи по велению только решает! Как думаешь? — спрашивает он меня.

Я пожимаю плечами. Не понимаю, почему Симуш на Павлика злится, но в словах его что-то есть. Я это чувствую.

— По-моему, он каким-то гипнозом еще обладает,— говорит Симуш.— А иначе как везде успеешь?

— Наверное,— соглашаюсь я.— Вот мы с тобой ничего не делаем, никаких поручений не выполняем, а все равно не успеваем! Как не корпишь, а урок домашний полностью не выучишь...

— Зато в футбол он играть не умеет! — с сознанием превосходства парирует Симуш.— Плевать мне на эти отметки! Я футболистом стану. Вот увидишь! Там отметки не нужны. Лишь бы ноги здоровые были. Еще и прославлюсь! Как Яшин или Блохин. И за границу поеду. В другие страны. А он пусть посидит у телевизора и позавидует!

— Очень ему это нужно,— возразил я.— Он, небось, то же дома сидеть не будет. Тебя-то в институт не возьмут, а его — сразу! Он к тому времени знаменитым ученым станет. Профессором! А ты, футбол...

— А что футбол? Его во всем мире любят! — заспорил Симуш.— Футболом увлекаются не только профессора, а даже инженеры.

— Подумаешь, инженер! Профессор, брат, повыше, чем инженер,— опять возразил я.— У профессоров времени в обрез.

Много ты знаешь! У тебя что ли отец профессор? Что ты о его времени можешь знать? Ты и во сне профессоров не видывал,— твердил Симуш.

— Как не видел? Видел! Вон дядя Петя с Верхней улицы, кто по-твоему? Ученый! Ракеты запускает! Не знаешь что ли? А часто он в деревню приезжает? Нет. А почему? Некогда!

— Тю-тю! — насмешливо пропел Симуш.— Некогда...Скажи, пожалуйста! Забыл он о своей деревне, вот и все! Забыл!

Тут я немножко растерялся. Потому что слышал, как мама с отцом тоже на этот счет спорили. Отец то же самое утверждал. Но сдаваться я не хотел и возразил Симушу:

— Ты сначала стань таким человеком, тогда посмотрим, что ты на его месте будешь делать.

— Кем бы я ни был, но своих родителей не забуду! Ни когда! — отрезал Симуш.

Весь этот спор разгорелся по дороге в школу. Преподаваясь, мы и не заметили, как дошли. Я очень обиделся на Симуша за дядю Петю и больше с ним не разговаривал. Симуш тоже нахмурился и замолчал.

В коридоре мы увидели толпу ребят. Они сгрудились около только что вывешенной стенгазеты. Подошли и мы с Симушом. Ребята отчего-то тут же замолчали и начали поглядывать на нас. А Кируш-Длиннуш залился ехидным противным смешком.

Я пригляделся и... ахнул! В одной из карикатур были изображены мы с Симушом. И, похоже — ну, ничего не скажешь! На рисунке я и Симуш, забравшись на парту, изо всех сил тянем за косы, сидящую впереди нас, Лизук. Косы у нее вытянулись, как струны. А внизу — приписка: «Слышен визг и слышен стон. Класс позорят — Михась и Семен!». У меня даже в глазах потемнело. Кто бы это мог сделать? Но, конечно же, Павлик-Карлик! Кто еще? И более всего обидно, что списано, как говорится, с натуры. Было дело, чего там! Ну, может быть, не совсем так, как на картинке, но было. Правда, вины тут мы за собой не чувствовали. Уж такая ядовитая девчонка, эта Лизук! А главное — ябеда! Вот за это ей и попало. И все об этом знали. И все же вот, вывели... «Ну, убил, крокодил — думал я, весь, дрожа от обиды.— Просто в луже утопил!»

Симуш посмотрел, посмотрел на рисунок и, круто повернувшись, пошел в класс. У него от обиды даже губы побелели. Лицо — темнее тучи! Я знаю, что Симуш очень вспыльчивый, и встревожился. «Не выкинул бы какой штуки!» — -забеспокоился я и побежал следом. Ребята за моей спиной, уже не сдерживаясь, громко захохотали. И, скажу вам, почувствовал я себя — препротивно. Только сейчас понял, насколько все-таки болезненно задел меня рисунок. «Никогда так не поступлю. Что бы ни случилось!» — поклялся я мысленно.

Симуша я догнал у дверей класса. И именно в эту минуту оттуда вышел Павлик-Карлик. Увидев нас, он растерялся, но затем, сделав вид, что ничего не боится, хотел проскользнуть мимо. Симуш вцепился в него, как коршун.

— Здравствуйте, ваша милость! — процедил он сквозь зубы.— Я тебе покажу, как издеваться над товарищами!

Павлик-Карлик, испуганно заморгав, залепетал что-то, точно у него язык цеплялся за зубы.

— А что... я... Я не виноват. Мне велели!

— Кто тебе велел?! — зарычал Симуш.

— Уж если говорить всерьез,— вмешался я,— не мешало бы разобраться поначалу, а потом рисовать карикатуры. Знаешь, за что попало Лизук?

— Мне велели,— повторил Павел.

— Кто? Кто велел!? — закричал Симуш.— А ты... Ты сам?

Но тут в коридоре показался наш классный руководитель Николай Иванович. Он еще издали окликнул нас:

— Что это такое? Что у вас происходит?

Симуш выпустил Павлика-Карлика и уставился в окно. Павлик-Карлик, оправив измятую рубашку, плаксиво пожаловался классному руководителю:

— Семенов и Михайлов хотели меня излупить за карикатуру, Николай Иванович.

«Эх,— тоскливо подумал я,— получим теперь на орехи! И зачем мы с ним связались?» Николай Иванович сурово оглядел нас и поманил пальцем:

— Так. А ну, следуйте за мной оба!

Нам ничего не оставалось, как отправиться в кабинет-директора. А там — досталось нам крепко! Из кабинета мы выскочили, словно в бане побывали. До самого конца уроков у меня горели щеки. Директору мы пообещали впредь вести себя хорошо. И хорошо учиться. А вообще, на душе у нас ворочалась обида. Ведь вины-то за собой мы не чувствовали!..

История эта как-то сама собой забылась. Правда, с Павликом-Карликом мы по-прежнему не разговаривали, не могли простить его.

Кончалась вторая четверть. Приближался новый год. Дела свои школьные мы с Симушом значительно поправили. Наши дневники поосвободились от «двоек». Симуша даже начали хвалить на классных собраниях. И все же арифметика была самым слабым местом в нашей жизни.

Предстояла контрольная работа за четверть. И на пионерском сборе было решено подтянуться и по этой линии. Договорились, что после уроков будем оставаться всем классом и решать сложные примеры. Наши отличники должны были помочь более слабым. Само собой считалось, что Павлик-Карлик будет главным репетитором.

В тот день после звонка никто не ушел домой. Мы с Симушом достали чистые новые тетради и разложили их на парте. И вдруг все увидели, как Павлик-Карлик собрал свой портфель и направился к выходу.

— Ты куда, Павел? — удивился Кируш.

— Домой,— спокойно ответил Павел.

— Как? А решение отряда? Ты забыл, что решили готовиться к контрольной? — спросил Гриша.

— Не забыл.

— В чем дело? Ничего не понимаю, — еще пуще удивился Кируш.

— Мне лично никто не велел, — также невозмутимо а даже равнодушно ответил Павлик-Карлик. — И потом, у меня дела...

И дверь за ним закрылась. В классе застыла тишина. Мы смотрели друг на друга, ничего не понимая. Кто-то шумно выдохнул.

— Вот вам «цвет» школы! — намеренно подражая директорскому тону, проговорила Катюша. — Видели какой он красивый?

— Не цвет, а чертополох, — иронично уточнил кто-то.

— Правильно, — поддержали его. — От чертополоха ягоду не жди.

Ошарашенные ребята молчаливо разошлись по домам...

Шли домой и мы с Симушом. Нам было стыдно за Пашу,